

Т.Г.Трофимович (г. Минск, Беларусь)

ПЕРЕВОДЫ А.С. ПУШКИНА НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК: ВОЗМОЖНОСТИ НЕВОЗМОЖНОГО

История переводов произведений А.С.Пушкина на белорусский язык насчитывает не одно десятилетие. Установлено, что первым был перевод стихотворения «Эхо», выполненный Адамом Гуриновичем (1869 – 1894) и опубликованный только в 1956 году. Мастера белорусского слова постоянно обращались к великому пушкинскому наследию. В списке переводчиков имена классиков белорусской литературы: Я. Колас, Я. Купала, А.Кулешов, П. Глебка, П. Бровка, М. Танк, М. Лужанин и др. В 1993 году вышел двухтомник избранных произведений А.С. Пушкина на белорусском языке, в котором помещены переводы еще двадцати авторов. Некоторые стихотворения и поэмы имеют по 3-7 переводных версий. Так, стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» бытует как минимум в семи версиях [1, с. 212]. Все это позволяет с уверенностью говорить о существовании белорусской Пушкинианы не только как совокупности произведений литературы и искусства, посвященных А.С. Пушкину, не только как совокупности изданий произведений А.С. Пушкина, но и как совокупности всех существующих переводов [2].

События истории белорусской Пушкинианы не раз становились предметом исследования литературоведов. Исключительно богатый материал содержит в этом смысле изданная к двухсотлетию со дня рождения поэта книга «А.С. Пушкин и Беларусь» (Мінск: «Беларуская навука», 1999). В ней можно отыскать объемную статью И. Соломевича «Нет, весь я не умру...». Произведения А.С. Пушкина в переводах на белорусский язык» [1, с. 187-214], а также работы других исследователей, писателей и поэтов, работавших с пушкинским наследием. Со времени выхода книги прошло семнадцать лет. Как все эти годы развивалась белорусская Пушкиниана?

Предпринятый нами анализ электронного каталога Национальной библиотеки Беларуси, интернет-ресурсов, а также летописей газетных и журнальных статей показал, что интерес к творчеству А.С. Пушкина не угас, он постоянен и устойчив. По-прежнему печатаются переводы на белорусский язык, выполненные классиками белорусской литературы. Заметным культурным событием стало издание “Галасы з-за небакраю: анталогія паэзіі свету ў беларускіх перакладах XX стагоддзя” (Мінск, 2008), в которое включено восемь переводов А.С. Пушкина.

Удалось установить, что в последние годы к Пушкину обращались также П.Г. Макаревич, В.В. Аколова, Н.Миргородский, С. Махнач. Охотно допускаем, что вспомнили не всех, поскольку поиск переводов и переводчиков оказался делом весьма трудоемким. Ясно одно: творчество гения русской литературы притягивает внимание, возбуждает творческие силы.

К настоящему времени существование феномена художественного перевода как такового исключают на цивилизованном уровне вопросы о его целесообразности, значимости, культурной ценности. Понятно, что текст перевода становится особым творением, стремящимся максимально приблизиться к оригиналу, однако их полное совпадение принципиально невозможно. При переводе на близкородственный язык мы вправе рассчитывать на то, что степень приближения перевода к оригиналу будет большей. Это напрямую касается переводов на белорусский язык А.С. Пушкина. Близкое родство белорусского и русского языков должно способствовать смысловой и просодической идентичности. Обычно так и происходит.

Сравним два отрывка из романа А.С. Пушкина “Евгений Онегин”. Это строфа 41 (XLI) четвертой главы и ее перевод на белорусский язык, выполненный А. Кулешовым. В оригинале насчитываем 66 словоупотреблений, в переводе – 63, 14 строк онегинской строфы. Отрадно замечать, что близкое родство языков позволяет часть строк перевести слово в слово: *Встает заря во мгле холодной / Зара ўстае ў імгле халоднай; С своей волчихою голодной выходит на дорогу волк /*

*З сваёй ваўчыхаю галоднай выходзіць на дарогу воўк; Храпит – и путник
осторожный / Храпе – і путнік асцярожны; На утренней заре пастух / Пастух
на ранішняй зары; Тешит лучинка перед ней / Трашчыць лучынка перад ёй.*
Шесть строк из четырнадцати переведены дословно.

Однако наблюдения показывают, что не всегда переводчику все удается.
На нивах шум работ умолк / На полі гоман працы змоўк. Нива – поле, возделанное
для посева или засеянное хлебом (4, т.2, с.495). Белорусское слово *поле* имеет то
же значение (5, т.4, с.288), хотя белорусскому языку известно и слово *ніва*.
Вполне успешными можно признать соответствия *шум – гоман, работ – працы,*
почуя – пачуўшы, распевая – з песняю. А как быть со строкой *Несется в гору во
весь дух,* которая в белорусском переводе звучит так: *Ляціць што мае сіл з гары.*
Русское наречное сочетание *в гору* означает *на гору, вверх* (4, т.1, с.132), т.е.
путник осторожный что есть силы несется на гору, но не с горы. Устойчивое
словосочетание *нестись во весь дух* как раз и показывает, что движение в гору
путник осуществляет быстро и изо всех сил (4, т.1, с.454). С горы же можно
нестись быстро, но вряд ли изо всех сил.

Довольно существенные трансформации претерпевает пушкинский текст
при переводе второй части строфы. Появляются *труба, селянін,* вместо
полуденного часа *позна ўвечары,* а коров пастух созывает уже не в кружок, а *не
гоніць дамоў.*

Особенно значимой, на наш взгляд, является утрата стилистической окраски
слов. В анализируемой строфе слово *дева* переведено как *дзяўчына.* В истории
русского литературного языка этот и подобные факты ярко свидетельствуют о
новаторском характере языка произведений Пушкина. Как писал академик
Виноградов В.В., он вкладывал в слово заряд из таких значений, которые раньше
представлялись стилистически разобщенными [3, с. 252]. Слово *дева,* как и
девчонки (Какая радость: будет бал! Девчонки прыгают заране...), это не просто
слова – это события в истории русского литературного языка.

Досадные потери в переводах встречаются. *Снег выпал только в январе на третье в ночь / Другога студзеня якраз снег ноччу лёг; Прогулки тайные в санях / Гулянкi ў полі на санях; А сам в халате ел и пил / А сам у халаце піў, гуляў; Невы державное течение / Невы дзяржаўнае цячэнне; Прозрачный сумрак, блеск безлунный / Празрысты змрок, бліск цемнаваты.* Элементарного анализа семантики слов достаточно, чтобы выявить хоть и незначительные, но неточности. Каждому говорящему по-русски ясно, что *на третье в ночь* – это и второго поздно вечером и третьего до рассвета. Русское слово *прогулка* по значению вряд ли соответствует белорусскому *гулянка* – 1. *гульня*, 2. *вечарынка з песнямі (разм.)*, 3. *вясёлае гулянне (разм.)* (5, т.2, с.95). Отметим, что русско-белорусский словарь указывает на соответствие *прогулка* – *прагулка* (6, т.3, с.66). Перевод же двух глаголов *ел и пил* как *піў, гуляў* делает строку двусмысленной: из замечания о простоте домашнего поведения героя слова превращаются в указание на его антиобщественное поведение. Фамилии переводчиков по этическим соображениям мы не приводим.

Сколько свежести и емкости в пушкинском эпитете *Невы державное течение!* *Державный* – *обладающий верховной властью, владетельный, царственный, величественный, могучий* (4, т.1, с.389), *дзяржаўны* – *які мае адносiны да дзяржавы, дзяржава* – *палiтычная арганiзацыя* (5, т.2, с. 181).

С сожалением отметим и встречающиеся факты эсмоционально-экспрессивных сдвигов при переводах. Так, например, пушкинскому стихотворению “19 октября” вовсе не свойственно употребление слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, а в переводе читаем: *Сребрит мороз увянувшее поле / Заслаў мароз дыван бялюткі ў полі; Пылай, камин, в моей пустынной келье / Свяці, агонь, на камiнку пустэльным...*

К сожалению, переводы на белорусский язык не позволяют отобразить особенности языковых норм, бытовавших во времена Пушкина. Их вкус и неповторимый аромат знаменует эпоху в истории русского литературного языка, важный этап в становлении и развитии русской художественной речи. Вот

несколько примеров: *Открой сомкнуты негой взоры / навстречу северной Авроры / звездой севера явись / Сустрэць паўночную Аўрору / прыдзі, як поўначы зара! ; Да за смиренное кладбіцце / Яшчэ за могілкі старыя...*

Остановимся, предвидя возможные упреки в том, что потери при переводах неизбежны, что следует оценивать общекультурное значение существующих и создающихся переводов, а не копаться в оттенках смыслов и прочих мелочах. Согласимся с этим и укажем, что белорусская Пушкиниана как культурное событие прошлого и настоящего исполнена высокого созидательного смысла. Она доказывает, что влияние гения на общественное развитие выходит за рамки его родного народа и родного языка, что творчество гения ценно своим гуманистическим пафосом, проникающим в сознание и душу человека как такового. Всем нам очень повезло, оттого что Пушкин оказался так близко к нам в духовном и ментальном пространстве.

Не стоит, по нашему мнению, оставлять без внимания и тот факт, что переводы Пушкина на белорусский язык обогатили белорусскую культуру и белорусский же язык. Не зря классики белорусской литературы много и охотно переводили Пушкина: они понимали, что русское художественное слово окажется в состоянии возбудить возможности белорусской речи, развить их, усовершенствовать. В этом и состоят, как нам кажется, возможности невозможного.

Литература

1. А.С. Пушкін і Беларусь. – Мінск: Беларуская навука, 1999. – 428 с.
2. Пушкиниана. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/194950>.
3. Виноградов, ВВ. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков / В.В. Виноградов. – Москва: Высшая школа, 1982. – 529 с.
4. Словарь русского языка: В 4 т. / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. – 3-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1985-1988. – Т. 1-4.
5. Глумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. / Акад. Навук БССР. Ін-т мовазнаўства імя Я.Коласа; Пад агул. рэд. К.К.Атраховіча (К.Крапівы). – Мінск: БСЭ, 1977-1984. – Т. 1-5.
6. Русско-белорусский словарь: в 3-х томах / Под ред. А.А.Лукашанца. – Минск, 2012. Т. 1 – 3.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ